

П о л е м и к а.

Къ вопросу о гносеологическомъ интуитивизмѣ.

Въ книгѣ 93 «Вопросовъ философіи и психологіи» появился отвѣтъ Н. О. Лосскаго на критическія статьи о его новой гносеологической теоріи, принадлежащія проф. Л. М. Лопатину («Вопр. Фил. и Псих., кн. 87) и пишущему эти строки («Журн. Мин. Нар. Просв.», октябрь 1906 г.). Въ этомъ отвѣтѣ Н. О. Лосскій отклоняетъ направленные противъ него возраженія и съ обычной для него находчивостью отстаиваетъ занятую имъ парадоксальную позицію. Выступая въ настоящей краткой статьѣ съ новой попыткой убѣдить многоуважаемаго автора въ невозможности отстаивать въ гносеологіи абсолютный интуитивизмъ, я долженъ оговориться, что я вовсе не являюсь принципиальнымъ противникомъ его точки зрѣнія. Философія Н. О. Лосскаго мнѣ близка и родственна какъ по гносеологическимъ, такъ и по метафизическимъ своимъ принципамъ. Я такъ же, какъ и Н. О. Лосскій, провожу въ гносеологіи эмпиризмъ, а въ метафизикѣ имѣю общую съ Н. О. Лосскимъ почву въ монадологическомъ панпсихизмѣ. И для меня интуиція является фактомъ первостепеннаго значенія, какъ въ философіи, такъ и въ религіи. Такимъ образомъ мой философскій споръ съ Н. О. Лосскимъ не борьба враждующихъ сторонъ, но только разногласіе въ союзномъ лагерѣ. И именно, какъ союзникъ, я искренно желаю, чтобы Н. О. Лосскій отказался отъ нѣкоторыхъ своихъ положеній. Основной принципъ его гносеологіи въ высшей степени плодотворенъ и важенъ въ психологіи и метафизикѣ, но та исключительность, съ какою Н. О. Лосскій хочетъ превратить всѣ познавательные процессы, включая сюда понятія, сужденія и умозаключенія, въ непосредственную интуицію, можетъ

только подорвать его значеніе. Но обратимся къ возраженіямъ Н. О. Лосскаго. Опуская второстепенное мы остановимся только на самыхъ важныхъ пунктахъ.

1) Н. О. Лосскій находитъ несправедливымъ упрекъ своихъ критиковъ въ томъ, что его теорія интуитивизма совсѣмъ не имѣетъ прямого положительнаго обоснованія и главнымъ образомъ опирается на косвенные аргументы отъ противнаго. По мнѣнію Н. О. Лосскаго такимъ положительнымъ аргументомъ и притомъ самымъ сильнымъ является его *указаніе на фактъ* присутствія въ сужденіи того, къ чему сужденіе относится. Впрочемъ, авторъ соглашается, что этотъ аргументъ быть можетъ не достаточно подробно имъ изложенъ и объясняетъ это тѣмъ обстоятельствомъ, что аргументъ этотъ чрезвычайно подробно изложенъ въ имманентной философіи и между прочимъ у Шуппе. Едва ли однако этимъ можно удовлетвориться. Позиція Н. О. Лосскаго существенно отличается отъ позиціи имманентной философіи признаніемъ трансцендентнаго бытія и это одно не допускало бы мысли, что Н. О. Лосскій можетъ заставить говорить за себя Шуппе, для котораго въ этомъ вопросѣ многія затрудненія совершенно отпадаютъ. Но если онъ и находилъ это возможнымъ, то все-таки ему слѣдовало бы сказать объ этомъ въ своей книгѣ. Но мы и по существу не согласны, чтобы для Н. О. Лосскаго простое *указаніе на фактъ* присутствія въ сужденіи того, къ чему сужденіе относится, могло бы являться какимъ-либо аргументомъ, а тѣмъ болѣе самымъ сильнымъ. Одно лишь *указаніе на фактъ* можетъ служить доказательствомъ тогда, когда данный фактъ можетъ быть понятъ и объясненъ только однимъ единственнымъ способомъ. Но факты воспріятія или представленія, а также факты сужденія объ этомъ воспріятіи далеко не столь просты, чтобы не нуждались въ объясненіи. Философія разсматриваетъ эти факты уже нѣсколько тысячелѣтій и до сихъ поръ не можетъ придти къ ихъ безспорному истолкованію. Поэтому просто указывать въ XX вѣкѣ на фактъ присутствія дерева въ сужденіи о деревѣ для отрицанія трансцендентнаго знанія—равносильно указанію на фактъ восхожденія и захода солнца для отрицанія теоріи Коперника. Но пускай бы эта имманентность предмета акту знанія о немъ была простымъ нагляднымъ фактомъ въ родѣ восхожденія или захода солнца. *Но вѣдь и это невѣрно.*

Никто не сознаетъ этого, какъ фактъ. Что въ сужденіи «это дерево зеленое» находится то самое дерево, къ которому это сужденіе относится—вѣдь этого никто не сознаетъ такъ, какъ сознается *восходъ* солнца. Напротивъ непосредственное, нетро-нутое философскими теоріями сознание непреодолимо противо-станетъ этому «факту» и будетъ утверждать, что «я, смотря-щій на это зеленое дерево и говорящій о немъ, стою отъ него за версту и что потому оно никакъ не можетъ быть во мнѣ и въ моихъ мысляхъ о немъ». Такимъ образомъ Н. О. Лосскій совершенно неправильно ставитъ дѣло такъ, что будто бы фи-лософскія теоріи и гипотезы мѣшаютъ намъ оглянуться на этотъ первичный фактъ. Напротивъ, если мы отрѣшимся отъ всякихъ теорій, то у насъ вовсе не получится впечатлѣнія присутствія въ сужденіи самаго объекта сужденія. Это присутствіе можетъ быть именно только гносеологической *теоріей*, а никакъ не фактомъ. Итакъ, Н. О. Лосскій не могъ дать никакого доказа-тельства своей теоріи имманентности указаніемъ на фактъ при-сутствія въ знаніи его объекта, потому что такого *факта* не существуетъ, а существуютъ лишь разныя *теоріи* имманентности, развиваемыя на почвѣ идеалистической гносеологіи. И нельзя не видѣть здѣсь внутренняго противорѣчія въ томъ, что авторъ-реалистъ въ столь отвѣтственномъ для него пунктѣ, повидимо-му совершенно того не замѣчая, опирается на идеалистическую гносеологію, съ которою между тѣмъ попутно борется.

2) На указанія критиковъ, что авторъ интуитивизма достаточ-но не обосновалъ универсальнаго значенія принципа непосред-ственной интуиціи, исключающаго въ знаніи всякаго рода *не-средственное* отношеніе къ познаваемому объекту, Н. О. Лосскій отвѣчаетъ, что «тотъ, кто допустилъ такое своеобразное свой-ство познающаго субъекта, какъ способность непосредственнаго воспріятія внѣшняго міра въ однихъ случаяхъ или въ какомъ-либо отношеніи, не можетъ остановиться на полупути и отверг-нуть его для какой-либо другой категории случаевъ. Это было бы равносильно тому, какъ если бы мы признали, что 2×2 въ нѣкоторыхъ случаяхъ есть четыре, но бываютъ случаи, когда оно равно пяти». Этотъ отвѣтъ кажется намъ наименѣе удо-влетворяющимъ изъ всего того, что авторъ написалъ въ защиту своего интуитивизма. Какъ будто бы процессъ познанія внѣш-няго міра есть не живой реальный актъ, который можетъ быть

разнообразнымъ, а какая-то абстрактная математическая формула. И совершенно непонятно, почему признаніе на ряду съ фактами познанія одного рода (непосредственнаго соприкосновенія съ элементами міра) фактовъ другого рода (посредственнаго соприкосновенія) равносильно остановкѣ на полупути; а если даже и равносильно, то почему такая остановка недопустима? Что за странный методъ отвергать опредѣленную группу фактовъ изъ-за невозможности подвести ихъ подъ одинъ общій типъ, или законъ! Вѣдь если всюду слѣдовать этому методу, если всему придавать формальную универсальность, то намъ придется кромѣ гносеологіи преобразовать и все естествознаніе и заставить, напримеръ, плотность воды увеличиваться не только отъ 0° до 4° Ц., но чтобы не останавливаться на полпути и выше 4° Ц. Непонятно, какъ авторъ, такъ много выяснявшій живую реальную природу познавательныхъ процессовъ, вдругъ сравниваетъ ихъ содержаніе съ формальной истиной $2 \times 2 = 4$. Итакъ, если мы должны признать познаніе во всѣхъ случаяхъ интуитивнымъ, то этого во всякомъ случаѣ можно требовать не въ силу той формальной послѣдовательности, которая дѣлаетъ 2×2 всегда равнымъ 4, а по какимъ-либо другимъ основаніямъ. Правда, Н. О. Лосскій не ограничивается однимъ формальнымъ аргументомъ. Онъ пробуетъ доказать непосредственность познавательныхъ интуицій, сводя вообще всѣ соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ къ чисто духовнымъ отношеніямъ. Указывая на то, что познавательныя соприкосновенія съ міромъ не могутъ, конечно, пониматься въ видѣ пространственной смежности или раздѣленности, авторъ хочетъ свести всю разницу духовныхъ отношеній съ объектами міра лишь на различіе въ силѣ вниманія нашего къ этимъ объектамъ и къ ясности ихъ дифференцированія. Но авторъ ничѣмъ не подтверждаетъ при этомъ той мысли, что будто бы сущность нашего взаимоотношенія съ объектами міра въ познавательныхъ процессахъ состоитъ *только* въ устремленіи нашего вниманія къ нимъ и въ дифференцированіи ихъ. Авторъ совершенно не хочетъ считаться съ тѣмъ соображеніемъ (устранимымъ только на почвѣ Кантовскихъ предпосылокъ), что если представленіе пространственной смежности и раздѣльности и есть феноменъ въ известномъ отношеніи миражный, то въ то же время этотъ феноменъ въ какомъ-то смыслѣ «bene fundatum» и что это «bene fundatum»

лежитъ не въ одномъ только познающемъ субъектѣ, но и въ той объективной *координации* отношеній, въ которой находятся всѣ вещи міра. Вѣдь и сводя соприкосновенія къ духовнымъ отношеніямъ, мы можемъ все-таки сказать, что между познающимъ субъектомъ А и объектомъ міра N находится много посредствующихъ элементовъ В, С, Д... какъ-то отдѣляющихъ субъектъ А отъ объекта N. Вѣдь понятія «между», «посредство», «отдѣленіе» имѣютъ не одинъ только пространственный объективный смыслъ. Что же заставляетъ Н. О. Лосскаго сводить этотъ смыслъ на одно только субъективное вниманіе и дифференцированіе. Мы не видимъ для этого ровно никакихъ основаній—и при томъ стоя именно на исходныхъ положеніяхъ теоріи Н. О. Лосскаго, т.-е. основываясь на характеристикѣ воспріятій и ихъ элементовъ, какъ «данныхъ мнѣ» и «моихъ». Несомнѣнно, что усиленіе или ослабленіе вниманія и дифференцировка—акты наиболѣе рѣзко отмѣченные характеромъ «мои». Но именно пространственная раздѣльность, близость или отдаленность менѣе всего сводится къ «моему». Въ томъ, что мать никакъ не можетъ узнать, что дѣлается съ ея больнымъ ребенкомъ, находящимся отъ нея за нѣсколько сотенъ верстъ, ея «мое» является совершенно безсильнымъ и не имѣетъ ровно никакого значенія. Какая-то «данная» ей равнина скрываетъ отъ нея то, что *интересуетъ* ее болѣе всего, какая-то «данная» ей длительность передвиженія поѣзда, какія то «данныя» ей фигуры людей, которыя ей абсолютно не интересны и на которыхъ она не обращаетъ *никакого вниманія* и вопреки этому ихъ видитъ и слышитъ, отдѣляютъ ее отъ того, на что обращено *все ея вниманіе* и что вопреки этому вниманію скрыто отъ ея познанія. Если во всѣхъ этихъ препятствіяхъ раздѣльности и промежуточности не видѣть какой-то внѣшней познающему субъекту координаціи объектовъ міра, если все это «данное» сводить къ моему интересу и вниманію, то мы должны были бы объявить весь тотъ фундаментъ, на которомъ зиждется теорія Н. О. Лосскаго никуда негоднымъ. Но мы этого вовсе не хотимъ. Ошибка здѣсь не столько въ основаніяхъ сколько въ выводахъ. Если видѣть въ «данномъ» объективное и въ «данныхъ» пространственно временныхъ отношеніяхъ какой-то отзвукъ духовной координаціи объектовъ міра, то нельзя не признать эту координацію подчиненной закону опосредствованія, по которому для

соприкосновенія съ любымъ элементомъ міра надо предварительно соприкоснуться со всѣми промежуточными. Пусть эта промежуточность не пространственная въ чувственномъ значеніи пространства, пусть даже этотъ законъ не универсаленъ, но всему этому подчинено наше сознаніе и та дѣйствительность, которую мы воспринимаемъ. И, сводя этотъ законъ къ нашему вниманію и дифференцировкѣ, Н. О. Лосскій дѣлаетъ одно изъ самыхъ произвольнѣйшихъ допущеній и къ тому же впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой.

Но если мое фактическое соприкосновеніе съ объектомъ міра N въ данный моментъ невозможно и если я въ то же время вспоминаю объ этомъ соприкосновеніи съ N, бывшемъ годъ тому назадъ, то не будетъ ли это мое воспоминаніе объ N трансцендентнымъ познавательнымъ актомъ по отношенію къ N? Мы знаемъ отвѣтъ Н. О. Лосскаго на этотъ вопросъ. Наше воспоминаніе будетъ актомъ имманентнымъ потому, что бытіе, данное намъ имманентно годъ тому назадъ, присутствуетъ въ нашемъ знаніи и, теперь—такъ долженъ отвѣтить намъ авторъ интуитивизма, вполне угасившій въ своей теоріи онтологическое значеніе какъ пространства, такъ и времени. Такъ скажетъ онъ намъ и, отошлетъ къ своимъ будущимъ работамъ по онтологіи, въ которыхъ проблема пространства и времени будетъ имѣть свое особое разрѣшеніе. Мы должны, конечно, терпѣливо ждать этого разрѣшенія. Но удовлетвориться тѣмъ, что намъ дано, мы все-таки не можемъ. Быть можетъ, въ нѣкоторыхъ гносеологическихъ теоріяхъ и можно откладывать теорію пространства и времени до метафизики, но только не въ теоріи Н. О. Лосскаго. Философъ, пришедшій къ полному отождествленію воспріятій представленій и понятій, долженъ во всякомъ случаѣ дать полную теорію воспріятія. А ея нельзя дать, не опредѣливъ объективнаго значенія пространства и времени, такъ какъ именно въ силу измѣненія пространственно-временныхъ условій воспріятія превращаются въ представленія. Но дѣло осложняется еще и тѣмъ, что авторъ въ сущности predeterminedъ уже свое рѣшеніе о природѣ пространства и времени для человѣческаго сознанія, сводя ихъ объективное значеніе къ нулю. Это конечно не ново въ исторіи философіи, но въ гносеологіи Н. О. Лосскаго это является совершенно неожиданнымъ и стоитъ въ полномъ противорѣчьи съ его реализмомъ и довѣріемъ къ характе-

ристичамъ «данности» и «моего». И именно въ силу этого своеобразнаго положенія понятій пространства и времени въ теоріи Н. О. Лосскаго онъ долженъ былъ бы выяснитъ ихъ гносеологическую природу и связать ихъ такъ или иначе со своими основоположеніями.

3) Какъ мы уже говорили въ первой нашей статьѣ объ интуитивизмѣ Лосскаго, Ахиллесовой пятой его теоріи является проблема воспріятія, въ которой онъ оставилъ безъ всякаго разрѣшенія нѣсколько основныхъ вопросовъ. И въ своемъ отвѣтѣ авторъ не даетъ на эти вопросы никакого удовлетворяющаго отвѣта. Прежде всего, это вопросъ о чувственной сторонѣ воспріятій. Судя по тому, что имѣется по этому поводу въ «Обоснованіи интуитивизма», а въ особенности въ рассматриваемой статьѣ Н. О. Лосскаго, авторъ видитъ въ нѣкоторыхъ ощущеніяхъ не прямое соприкосновеніе съ вещами, но лишь дѣйствіе вещей на наше тѣло. Къ сожалѣнію авторъ точно не выясняетъ, всѣ ли ощущенія таковы или только нѣкоторыя. Но во всякомъ случаѣ и эти нѣкоторыя, поскольку мы относимъ ихъ все-таки къ вещамъ и по нимъ узнаемъ о болѣе объективныхъ свойствахъ вещей или о цѣлой вещи, не составляютъ развѣ трансцендентныхъ элементовъ знанія? Если мы по запаху узнаемъ вещество, — на примѣръ, химикъ по запаху горькихъ миндалей предполагаетъ присутствіе синильной кислоты или нитробензола, — то не является ли этотъ запахъ показателемъ, значкомъ объекта, который еще въ этомъ запахѣ не данъ. Вообще, поскольку Н. О. Лосскій не отрицаетъ вполнѣ ученія о субъективности ощущеній и въ то же время видитъ въ ощущеніяхъ результатъ взаимодействія познающаго субъекта съ міромъ «не-я», онъ не можетъ не признать въ нихъ нѣкоторое познавательное отношеніе къ самимъ объектамъ, которыхъ въ данное время въ сознаніи можетъ и не быть. Если видѣть во всѣхъ ощущеніяхъ лишь дѣйствіе вещей на наше тѣло, то все естествознаніе окажется знаніемъ, относящимся къ трансцендентнымъ для этого знанія объектамъ, хотя быть можетъ и очень плохо обозначающимъ эти объекты. Если авторъ интуитивизма намъ возразитъ, что это знаніе относится только къ тому же, что въ немъ дано, т.-е., что ощущенія говорятъ намъ лишь объ ощущеніяхъ же, а не о чемъ иномъ, то мы спросимъ, откуда же авторъ знаетъ о клѣточкахъ нашего тѣла, и притомъ въ монадологическомъ

ихъ пониманіи, какъ не по чувственнымъ ихъ образамъ. Вѣдь онъ самъ соглашается (стр. 458 «Вопросовъ Фил. и Псих.» кн. 93), что мы ихъ непосредственно не знаемъ въ качествѣ таковыхъ, а только имѣемъ непосредственныя свѣдѣнія о ихъ пріятныхъ или непріятныхъ переживаніяхъ. Несомнѣнно, что анатомическіе образы и представленія для монадологическихъ предпосылокъ нашего автора коечто дали. А если такъ, то трансцендентное значеніе этихъ образовъ и представленій неоспоримо. Но оставимъ чувственную сторону воспріятій. Здѣсь авторъ оставилъ много нерѣшеннаго, чтобы увѣренно знать его мнѣнія. Обратимся къ нечувственной сторонѣ воспріятій, слагающейся изъ воспріятія единства, причинности, быть можетъ, субстанціальности, вообще той природы вещей, которая выражается уже въ понятіяхъ, а не въ ощущеніяхъ. Если она дается интуитивно, то почему же она нуждается все-таки въ органахъ чувствъ? Мы не можемъ признать отвѣтомъ на этотъ вопросъ указаніе автора на практическій интересъ и вниманіе познающаго субъекта, потому что какъ разъ практическій интересъ и вниманіе говорятъ противъ автора. Мы всѣ всегда очень заинтересованы всею цѣпью причинныхъ отношеній вокругъ насъ, потому что отъ этого зависитъ наше благосостояніе и судьба; но почему же мы не узнаемъ ничего объ этихъ причинахъ количествахъ и силахъ иначе, какъ по тѣмъ или инымъ чувственнымъ даннымъ и выводамъ. Едва ли можно сомнѣваться, что главнокомандующій арміей очень заинтересованъ числомъ полковъ, передвиженіями и силами непріятеля, но весь этотъ практическій интересъ и вниманіе не даютъ ему и $\frac{1}{10}$ доли того, что онъ узнаетъ отъ ловкаго лазутчика, т.-е. неинтуитивно. Авторъ правда указываетъ, что иногда вниманіе и интересъ бывають мнимыми, напр., интересъ грѣховнаго человѣка познать Бога. Находя, что настоящій интересъ къ Богу предполагаетъ уже святость, авторъ и объясняетъ трудность непосредственнаго познанія Бога трудностью стать святымъ. Быть можетъ по отношенію къ Богу это и такъ, хотя мы думаемъ, что и въ этомъ случаѣ суть дѣла не во вниманіи и не въ интересѣ. Но какъ понять болѣе простые случаи безуспѣшнаго интереса и вниманія къ самымъ низменнымъ и обыденнымъ вещамъ. Ужъ кажется профессиональный воръ долженъ бы интуитивно знать, какія деньги и въ какомъ именно помѣщеніи находятся въ об-

воровываемой имъ квартирѣ и тѣмъ не менѣе профессиональные воры провѣдываютъ обыкновенно обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ какими-либо посредственными путями и, несмотря на весь *интересъ* и *вниманіе* къ чужому имуществу, никогда не видятъ его интуитивно сквозь стѣну. Вообще, человечество въ томъ, что составляло его насущный интересъ, что наиболѣе привлекало его вниманіе, вырабатывало всегда косвенные методы познанія и всякаго рода удостовѣренія объ истинномъ положеніи вещей. Техника и вообще прикладная наука всегда гарантировали себя зрѣніемъ и осязаніемъ, мѣрою и вѣсомъ въ знаніи всякаго рода причинъ и субстанцій. Казалось бы, что все это говоритъ противъ автора, утверждающаго осуществленіе интуиціи на почвѣ вниманія и интереса. Казалось бы, что органы чувствъ и методы чувственного познанія могли бы быть совершенно отброшены въ познаніи окружающаго насъ міра субстанцій и причинъ, представляющихъ нечувственное бытіе.

4) Въ заключеніе нѣсколько словъ объ отношеніи «божественной» и человѣческой гносеологии. Мы вполне согласны съ Н. О. Лосскимъ, что человѣкъ таитъ въ себѣ способности божественнаго непосредственнаго созерцанія вещей. Но только мы думаемъ, что способность эта находится въ зачаточномъ состояніи и что въ проявленіи ея вниманіе и интересъ не играютъ почти никакой роли. Только глубокіе религіозные процессы, возводящіе человѣка на ступень святости, дѣлаютъ его способнымъ къ интуитивнымъ воспріятіямъ Бога и міра; да и то частично и неясно, «яко зеркаломъ въ гаданіи». Поэтому, приписывая обычному человѣческому познанію во всей полнотѣ способность божественной интуиціи, Н. О. Лосскій дѣлаетъ такую же ошибку, какъ если бы кто-нибудь сталъ признавать человѣка Богомъ изъ за данныхъ ему религіозныхъ обѣтованій. Но дѣло тутъ даже и не въ одной человѣческой способности, но и въ свойствахъ того міра, который онъ познаетъ. Изуродованный и косный міръ грѣха, подчиненный законамъ пространства и времени и не приспособленъ къ интуитивному познанію. Эту сторону вопроса вполне достаточно выяснилъ Н. А. Бердяевъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ томъ же № 93 «Вопр. Фил. и Псих.». Поэтому, становясь на религіозную точку зрѣнія, мы не можемъ не сказать, что проповѣдуя гносеологическій интуитивизмъ, какъ нѣчто уже осуществленное въ человѣческой природѣ, Н. О. Лосскій упре-

ждаетъ наступленіе Царства Божія и тѣмъ признаетъ формы этого міра вполне совершенными. Это между прочимъ чрезвычайно гармонируетъ съ возрождающимися въ послѣднее время хилиастическими тенденціями. Оставляя однако въ сторонѣ религиозную оцѣнку интуитивизма, мы ограничиваемся лишь утвержденіемъ, что въ философіи онъ не можетъ быть надлежащимъ образомъ обоснованъ, такъ какъ противорѣчитъ нѣкоторымъ фактамъ, имѣющимъ безспорное истолкованіе, и даже при обсужденіи его съ имманентной автору точки зрѣнія обнаруживаетъ въ своихъ основоположеніяхъ непримиримое противорѣчіе.

С. Аскольдовъ.
